

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРАМИ ПРОЕКТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО КОВЧЕГА»

От рукописи — к столу

Из этой системы рождаются предметы. Фарфор — костяной, с деколью или ручной росписью. Текстиль. Печатная продукция. Но принцип один: каждый предмет создается не по вдохновению с Pinterest, а на основе работы с первоисточником, которому триста лет. Когда мы делали эскизы для бара в петербургском отеле Four Seasons Lion Palace St. Petersburg, мы специально изучали дом Лобанова-Ростовского, архитектуру здания, декоративные элементы, лепнину на потолке. И только потом создавали орнамент, который вступает в разговор именно с этим местом.

Не просто эксклюзивный фарфор, а предмет с живой связью с пространством, в котором он существует. Именно в этом принципиальное отличие от того, что обычно понимают под «дизайном в русском стиле». Мы не берем готовый орнамент и не переносим его на кружку. Мы работаем с источником как с языком и переводим его на язык современного предмета. Такие вещи не вписываются в короткий потребительский цикл. Они рассчитаны на долгую жизнь, на сохранение, на передачу. Ближе к семейной реликвии, чем к тиражному изделию. И именно это делает их интересными для премиального сегмента и в России, и за ее пределами.



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРАМИ ПРОЕКТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО КОВЧЕГА»



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРАМИ ПРОЕКТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО КОВЧЕГА»

Почему получится у нас, если получилось у Dolce & Gabbana

Скандинавия экспортирует минимализм. Япония — эстетику ваби-саби. Италия — представление о том, как должен выглядеть стол, за которым хочется сидеть долго. Dolce & Gabbana строят империю на кричащей, почти китчевой яркости, и это работает, потому что за яркостью стоит последовательная эстетическая позиция. Все это культурная дипломатия через предметный мир. Она не декларируется в речах и не финансируется через гранты. Она просто существует в вещах, в интерьерах, в сервировке стола. И формирует образ страны точнее, чем любые официальные нарративы.

За последние годы интерес к культурному наследию в России заметно вырос. С ним имеют дело музеи, реставраторы, издательские проекты, отдельные художники и дизайнеры. У нас есть мастерицы, работающие на уровне лучших европейских ремесленных школ. Но пока эти усилия редко складываются в узнаваемый международный визуальный язык, сопоставимый по силе с тем, что удалось создать Италии, Японии или Скандинавии. Мне кажется, нам не хватает дизайна как категории мышления, то есть умения выстроить из этого богатства стильный, современный предметный язык, а не кич, не пафос и не дешевую сувенирную продукцию.

В целом процесс только начинается, и тем интереснее искать собственный путь внутри него, не повторяя уже существующие решения, а предлагая новые способы разговора с традицией. Мне бы хотелось преодолеть разрыв между силой материала и слабостью его оформления. Взять орнамент с трехсотлетней историей и дать ему современное прочтение. Не реконструкцию, не стилизацию, а живое продолжение разговора, который начался в XVII веке.

Про то, чего нам не дают и что мы можем сами

Было бы наивно не замечать: путь российских культурных продуктов на мировой рынок сегодня непрост. Не потому что их нет или они недостаточно хороши, а по причинам, которые к качеству не имеют никакого отношения. Это данность, с которой приходится работать. Но есть то, что не зависит от внешних обстоятельств. Можно прямо сейчас создавать предметы с настоящей культурной биографией. Можно выстраивать язык, который будет понятен и в петербургском отеле, и на вилле на озере Маджоре. Можно доказывать делом, а не словами, что русский визуальный код существует, что он сложен, что он красив и что он способен говорить с миром.

Когда я путешествую с мужем и оказываюсь в новом месте — будь то в старинном отеле или в ресторане с историей, — я уже вижу, каким мог бы быть орнамент для их фарфора. Как он мог бы разговаривать с архитектурой их виллы, с лепниной их потолков. Этот подход — укорененность в месте, в истории, в подлинном источнике — работает везде. Не только с русским материалом. Россия умеет создавать вещи с историей. Осталось научиться их предъявлять.

Конечно, я не первая, кто обращается к русскому наследию как к источнику для современного дизайна. Но мне кажется важным продолжать этот разговор именно через предметный мир: через вещи, которые становятся частью повседневной жизни и позволяют культурной памяти существовать не только в музее, но и за семейным столом.

Гуслицкий мастер XVII века, создавая орнамент, не думал о сохранении традиции. Он думал о том, как устроен мир, и находил для этого визуальную форму. Я думаю о том же. Не о реконструкции прошлого, а о продолжении разговора, который в нем начался. На новых предметах, в новых пространствах, для нового читателя. И пусть мой муж-датчанин однажды скажет: «А, это русское. Я знаю, что это такое».